

МИНИАТЮРЫ

ПОБЕДА

Никуда не ведущий обрыв раскинулся рядом с наклонной плоскостью, ступить на которую нельзя, не потому что такой закон, а потому что нельзя, и неожиданно открывается ступеньками — так вещь, измучившая предсказуемостью, радуется до сего дня скрытыми достоинствами. Солнце вынуждено научиться играть роль сауны, выводя лишнее из зашлакованного мыслями организма — ничего более не выжать из солнца.

Арабский сезамовый соус — не что иное, как сильно разбавленный израильский хумус — своего рода запоздалое садистское торжество победителя, не насытившегося сто миллионов лет назад сделкой по отторжению полуострова, сродни жесту доблестного майора: выплеснуть кофе из старинной фарфоровой чашечки, сервированной для воинов-освободителей хрестоматийной старушкой (такие бывают только в многосерийном кино — и ах, как не хватает кружевного передничка! — но ведь город берут, черт возьми!), водки налить за победу — бедному фикусу плевочек: «расти будет лучше», а параллельным звукорядом для уравнивания добра со злом, голос Геббельса: «мой фюрер, русские уже на Вильгельмштрассе».

Главная достопримечательность Вильгельмштрассе — магазин, название которого, навязчиво сходное с именем известного когда-то издательства, вкупе с зависшей неподалеку — вместо того, чтобы просвистеть ослепительным бликом и выкупаться в ближайшем океане, — луной неизменно возвращает к мысли «ничего нового давно не существует» и к вопросу «кому бы рукопись продать». Сегодня Вильгельмштрассе одинаково хорошо простреливается со всех сторон, включая здание совета местной федерации, и оставляет лишь подслеповатые глазницы квартир для среднеобеспеченных слоев на ближних подступах к вечно осажденному британскому посольству. Бывшие союзники погорячились с выбором места дислокации и теперь в одиночку расхлебывают скуку латентной опасности.

Реактивная торпеда, выпущенная с оптимальной скоростью, одинаково успешно взрежет водную гладь, чужую улицу на нейтральной полосе и сливную яму, какой непременно становится душа, если, избалованная красками и контурами, снова запомнела привести в действие противоракетную защиту. Разворошив поверхность, перемешав слои психологических фекалий, внешнее вторжение подтвердит идентичность слежавшихся, нижних, и новых, наслаивающихся выше, а проще говоря, то, что все плохо, даже когда хорошо, и маленькое случайное счастье доступно исключительно зажавшемуся индивиду и есть лишь наказуемый слом системы и факт отступничества от вечных ценностей вселенской скорби.

С началом прилива всегда легче плыть, правда, острее становится неожиданный вопрос о смысле целенаправленного перемешивания воды — ведь тот же прилив смыкает берег, забытый на нем зонтик-грибок падает, приближая смерть тени, и кончаются сами границы пространства, пригодного к повседневному существованию, и так уже достаточно размытые временем и взглядом сквозь стекла маски для подводного плавания, благодаря тонированной кубокилометрами голубизне превративших реальность в нереальность: ведь не краски и

контуры, но плотность давно стала определяющим фактором восприятия, а потому прозрачные рыбы кажутся существующими на самом деле — ровно, впрочем, до момента удара хвостом электрического ската — зато попытка определить направление «к берегу» обречена изначально, потому что берега, с его устоявшейся для кого-то постороннего материей, в прицеле глубоководной маски не существует вообще. Зато можно придумать другой. Разве не правда, что для того чтобы встретить новое, достаточно просто не помнить прежнего? Как правда и то, что и эта мысль не нова.

Все зависит от точки отсчета, как писал старик Ньютон, да и я, кажется, тоже. Открывавшаяся наконец-то обрывом поверхность земли, видением дилетанта, которому неведом пока успех, оборачивается беспощадным медленным, как ампутация, сползанием в сливную яму давно придуманных мыслей. Луна висит так высоко над горами, что ее власти не помешает даже восход солнца, одновременно почти соприкасаясь с морским горизонтом, наверное, потому, что ее видят разные люди, ненавистно противоречащие друг другу всеми до единой молекулами накануне даты извечного семилетнего перерождения организма. Над Вильгельмштрассе она, с наивностью гения считающая себя светилом, неполная, как германский бюджет, зависла на одной и той же высоте вроде зараженного вирусом файла на фоне трехцветного, вопреки явлению плотности, флага и встречает проходящего случайно под порталом бундесрата совсем ненемецким обещанием: «Я буду всех победить.»

9 мая 2003, а потом еще немножко.

ВЕЧНА

Еще не было восьми, когда навстречу мне, прямо из главной двери редакции журнала «Вторые руки» или откуда-то по соседству вышел дождевой червяк. Огромный и как будто грозящий прорваться от переполняющего его жира, он мог бы казаться розовым, если бы не хлябь, столь нетипичная для текущего сезона и в результате ожесточенных уличных боев добравшаяся уже до центра города.

Встретить дождевого червяка еще до того, как церковные часы начали бить восемь — примета, явно перечеркивающая благотворное действие трех подряд сошедшихся утром пасьянсов, подумала я и остановилась. Впрочем, сначала остановилась, потом — подумала. Червяк остановился тоже.

Не зря мы показались друг другу знакомыми. Случайный встречный был, как брат-двойняшка, похож на с недавних пор появившуюся в моей жизни нежно-розовую крысу — обительницу заброшенного аристократического района. Только ее наркотическим происхождением, спровоцированным непродуманной смесью гашиша, чистой травы и итальянского вина, можно объяснить действительную пушистую нежность окраски, по сравнению с которой сегодняшний червяк способен удостоиться только скромного эпитета — цвета «увядшей розы».

Остается надежда, что он, гипнотизирующий меня взглядом невидимых глаз, не знаком с другой крысой — скомканно-грязной, а потому несомненно реальной, ее я видела через мутное окно аргентинского ресторана, когда многоногое создание нагло прогуливалось в ту сторону, откуда мне поочередно выносили заказанные блюда, только — своим, внешним, застекольным путем, и суетливо бежало в непрозрачный вечнозеленый куст, сжимая в одной из миллиона конечностей что-то определенно съедобное, оплаченное из моих налогов в счет вечной жизни сограждан нечеловеческого происхождения.

Эта славная троица безусловно намерена собраться где-нибудь на вершине смены времен года и известить меня своей схожестью с прототипами, встреча с которыми так же неизбежна, как наступление следующего утра.

Дождевой червяк, выходящий навстречу из засады, где просидел, наверное, целую вечность, ждет награды. Съедобного жертвоприношения или элементарной беседы, в ходе которой смогли бы быть озвученными годы терпеливого молчания. Поддаться на его провокацию значило бы — отказаться от напечатанного ранее, от придуманного и только обещающего быть придуманным, разлететься в куски бесполезных споров и звона колокольни, предназначенной единственно для звона, созывающего к началу экскурсии по давно потерявшим тайну закоулкам бытия. Наверное, в этой ситуации надо скорее бежать — ведь продлись пауза еще миг — к месту преступного свидания начнут сползаться крысы, одержимые грехом чревоугодия. Но пошевелиться невозможно под взглядом невидимых глаз.

Появление крыс не будет неожиданным — они предупреждают о своем маршруте, высылая впереди потоки грязи, ничем не напоминающей недавний снег. Вчерашняя мнимая красота жадно обволакивает непристойными языками все, что находится ниже траектории случайной пули — куда же останется упасть, когда начнется пальба без разбора и каждый обломок выстроенных вопреки здравому смыслу небоскребов станет очередной каплей, которая переполнит чашу зловонной лужи, выплескивающейся и выплескивающейся через край жалкими остатками терпения, — а черно-бесцветные капли летят, летят во все стороны, так и не в состоянии долететь до прорезающих воздух бомбардировщиков, чтобы нанести ответный удар?

Только крысы умеют плавать не дыша.

Бежим, червяк, бежим вместе!

Наши пути все равно недолго будут параллельными. Переполняющий тебя жир утянет грязно-розовое тельце на дно бывшего военного канала, и все же это будет лучше, чем дожидаться карательного отряда: крысы сожрут тебя быстрее, чем ты сожрешь меня — тебе еще нужно успеть выйти из собственного гипнотического оцепенения мнимой власти. Только если сильно повезет — а для этого надо иметь опыт беспроигрышных игр в лотерею с миллионным джек-потом — можно будет уцепиться за краешек последней плывущей против движения армады льдины. О весна, без конца и без края!..

Март 2003

В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ

Рыбы, живущие под неровной поверхностью пруда, не скрывают своей неприязни. В их вывороченных от боли глазах я неизменно читаю слово «страх» — потому ли, что генетическая память не дает им забыть обкусанного бутерброда с тунцом, потому ли, что самим фактом прохождения мимо я напоминаю им, насколько неуместен пруд в коробке задумчивых в ожидании своего 11 сентября небоскребов.

Когда погода хорошая, раздраженные рыбы лица перемешаны с отражениями усталых детей, развлекающихся мамаш и новобрачных гомосексуалистов, отчего всем им тесно и мучительно хочется выпрыгнуть из своей зоны мира в «другую сторону», разогнать волну, которая — всего лишь иллюзия от пущенной кем-то шутихи, и лететь, не зная преград в виде осатаневшего от безделья мусорщика и прозрачных, как мороженое, водорослей. При плохой погоде пруд выходит из берегов прямо к пустым скамеечкам, и тогда ноги одинокого рыцаря скрываются под водой вслед за его уже плывущим по дождевой ряби портфелем.

Когда-нибудь я приду в этом пруду топиться. Что будет особо бездарно хотя бы потому, что я умею плавать, а глубина его вряд ли предназначена для полно-

ценного передвижения по вертикали существа, по размеру чуть большего, чем бутерброд с тунцом. Но как же не прийти?

Графиня изменившимся лицом. На пути у нее — стражи порядка, закон, оцепление в честь подпараграфа 3 параграфа 8-прим, горящие флаги, летняя распродажа, которая отвлекает от основной цели, и симпатичный рыцарь с подмокшим портфелем. Обуреваемый желанием рассказать, почему он расположился на неудобном причале, вместо того чтобы нырнуть в кафе, где столики заняты его загорелыми близнецами разного цвета волос. Так они и будут понимающе молчать, пока звонок мобильного телефона не напомнит рыцарю о необходимости продолжить обсуждение подпараграфа 4, а графиня, словно очнувшись от ежегодно повторяющегося сна, не подхватит шлейф за секунду до того, как тот попадет под гусеницы танка, и не заспешит к прилавкам летней распродажи, пропустить которую — грех сильнее самоубийства.

Потом они, конечно, встретятся. Но не узнав друг друга — сильно меняющихся по наступлении каждого из времен года — отпразднуют радостное свидание топорливым сексом на согретой телами гомосексуалистов скамейке.

Улыбка крупной рыбы, только что в экстазе обсасывавшей каменный парапет, отвратительна ровно до тех пор, пока я не помашу ей рукой. Как она завоет тогда, шокированная необходимостью давать мне объяснения: зачем оказалась здесь? кто научил подслушивать чужие мысли? в глаза смотреть — тут неизбежна паника, и вывернутость глаз по одну сторону лица заставит метнуться наискосок, сквозь толпу, сшибая телохранителей и столики уличного кафе. Я опять останусь победителем, потому что ничего не успела спросить, а раз так — избежала уничтожающего ответа.

Я все время думаю, где были рыбы до того, как появился пруд, неестественный на проклятом месте ничейной зоны между двумя линиями фронтов, как попытка построить соразмеренный мир в щели, образовавшейся после разрыва времен. Из прошлой жизни здесь — одуванчики, которые стремительно пробиваются сквозь трещины в асфальте на проезжей части проспекта, декорированного домами-мертвецами. В следующей — трещины забетонированы, хотя это и не населило живыми существами пустые и от этого еще более стремительные автомобили. Как на картине, где силуэты рыб плывут навстречу симметричным скелетам самих себя. Но остается вопрос, откуда они плыли до этого. И воды не хватит, чтобы потушить горящие флаги. Может быть, именно в предвкушении невозможности спастись пруд выкопали таким мелким.

Каждый раз, когда в городе начинается весна, обреченная на то, чтобы стать осенью, юный рыцарь возвещает о ее ненужном наступлении залпом динамита. Графиня, окна которой выходят на берег, вздрагивает, вспоминая об оставленных в прошлом году гостях. Но громкость взрыва, измеряемая ее тонким слухом в тротиловом эквиваленте, позволяет нежно улыбнуться одними глазами и удовлетворенно поставить галочку в списке продуктов, необходимых для приема гостей нынешних. Улов удался. Спасибо, милый, а если в твоих сетях случайно окажется что-то, не предусмотренное меню, то это только оживит давно и безнадежно текущий по кругу разговор в саду. В последний раз его удавалось пустить в нужное русло, когда я перепутала гармонию взрывчатки со стуком неуместно задевшего за соседний небоскреб пропеллера.

Как просто не умирать, правда, любимый? Одуванчики отнеси к другому берегу — завтра там начнется война, им нужно будет чем прикрыться. Я не обижусь, если ты останешься там. В конце концов, ты придумал свой подпараграф, и он так же нужен тебе, как мне — рыбий оскал, в котором я в следующий раз узнаю патологический ход мысли случайного современника.

А ЕСЛИ ЗАВТРА

Первый день войны кажется на удивление спокойным и почти не отличающимся от дней мира. За исключением, пожалуй, того, что я промерзаю буквально до костного мозга после двадцати минут ожидания автобуса, пока не выясняется, что средства наземного транспорта лишены права свободного передвижения из-за демонстрирующих в центре города безнадежных пацифистов, в результате чего я не попадаю в одно место, где одинаково не ждут ни меня, ни моей просьбы. Жертва ничтожно мала — неотправленное из третьих рук письмо, всего какая-то одна человеческая жизнь.

Наиболее напуганными выглядят полицейские, стайками бороздящие бастующий город и проявляющие отмеченную законами военного времени бдительность в сосредоточенности на жестах: за чем таким могла потянуться в недра дамской сумочки рука, поравнявшаяся с синагогой и на уровне этого выравнивания замедлившая перемещение в пространстве. Из-за мартовских морозов запотевают стекла очков, и мне не доведется видеть их рыбьего взгляда, от которого потом так долго болит голова у Любы, лишь десятью минутами позже оказавшейся у входа все в тот же еврейский храм Божий и вооруженной мобильным телефоном — куда более серьезным снарядом, чем моя пачка сигарет.

В дни войны, особенно если она так далеко, что никак не может задеть, а потому дает определенную свободу волеизъявления, чреватую потерей пунктов в профессиональной и психологической табели о рангах, очень удобно и выгодно делиться. Не обязательно на своих и чужих, а — как одноклеточные, которым испокон века успешно удается умножать самих себя за счет физиологического плюрализма, отращивая новые и новые проявления собственной личности, чтобы потом без сожалений отторгнуть их, гордо сказав: и это тоже — я. Хороший, непопулярный музыкант и честный, в сущности, человек, вынужден отказаться от давно запланированного куша — благотворительный вечер в зеркальном дворце общим голосованием решает отдать все оставшиеся после подтирания винных луж средства в фонд помощи детям войны. Возможно, рыдая в подушку телохранителя, он успокоит себя потом на миллиметр повысившимся рейтингом в радиопередачах, в противном случае утешится остатками непролитого стоимостью, на порядок превышающей размер бюджетных дыр. Отпировавшие во время чумы потом не забудут пожать ему руку на следующих вечнопродолжающихся шоу — если узнают, конечно, потому что шоу должно продолжаться во имя сохранения общественного дисбаланса, даже если из-за него или вследствие которого принцессы подносят вам суп, практически не интересуясь содержимым вашего кошелька.

А влюбленные продолжают говорить о войне вместо того, чтобы говорить о любви. Это более безопасно.

Каждое следующее утро начнет измерение последовательностью построения новостей, реальность в которых будет просвечивать только хронологическим меторасположением прогноза погоды.

Кстати, может быть, потепление приблизит конец кошмара, столь же вожделенный, как отпуск за свой счет, чистая стоимость которого тем ниже, чем выше ртутный столбик в рамках климатической зоны «старой Европы».

Хотя еще быстрее будет взят далекий город.

И мы отдохнем.

Человек с большой буквы Че поет Бродского, слегка опираясь на заставленный пустыми бутылками стол во внутреннем зале синагоги. Мы с Любой курим и бросаем бычки на головы ничего не подозревающих полицейских, скрываясь в тени балкона. Начинается второй день войны.

Март 2003

ОШИБКА

Нынешней весной я опять не куплю себе велосипед — искомая сумма уйдет на стерилизацию кошки. За некоторую исчисляемую во всемирном эквиваленте жертву с моей стороны живое существо лишится несчастья безнадежно любить.

До сих пор она не любила — и все же так лучше. Зачем ей знать?

Дорого можно отдать за то, чтобы одним взмахом скальпеля — впрочем, может, он далеко не один, может, там, на блестящем столе в лучших традициях телевизионной вивисекции творится рубка, резка, разрыв, расчленение — оставить в реальном или только намечающемся прошлом боль запретного, бывшего когда-то твоим, отнятого и переданного в законное владение по строю дальше. Холодное лезвие приятно щекочет переполненный наркотическим восторгом живот, по добрым окровавленным рукам стекают остатки надежды, игла, тонкая и длинная, как недосказанная фраза, аккуратно скрепляет разорванное, создавая видимость невмешательства, за которым — все, что было раньше, только освобожденное от ненужной мечты.

Ночью все кошки серы, а весной все мечты — ненужные.

Толстая, черная и далеко не исключительно визуально лишняя точка на совершенной поверхности кожи не оставляет сомнений в том, что с ней надлежит проделать. Выдавленная легким прикосновением идеальных ногтей, она разольется мерзким жирным червяком, найдет свое последнее местообитание в сливном бачке, а вслед хлынет живая, очищающая от остатков скорби кровь — и будет приговорена к быстрому свертыванию, чтобы потом засохнуть и оставить на месте недавней раны лишь крохотное пятнышко, символ того, что не забывается, даже пережитое. Но странно видеть, когда мешающий целостному восприятию червяк оставляет после себя бескровную, наполненную пустотой дыру, пугающую своей чистотой и полной невозможностью сомкнуть края — границы несоприкасаемого. Попытка забыть не проваливается, но оборачивается другой формой напоминания — напоминания о чем-то, чего как бы не было, но которое от этого не менее реально.

Не бывает исцеления без возвращения.

Отпусти меня, отпусти.

Сколько я еще должна просить?

Я думала, я научилась прощать. Как бы назло не допустившему меня к исповеди священнику. Научилась. До такой степени, что каждое следующее прощение дается мне легче прежнего, а потребность в них одинаково невыносима каждой весной.

Только я опять ошиблась. Как ошибаюсь всегда при попытке отличить настоящее — пустую дыру — от желаемой, пусть кровавой, но цельной выдумки. Соразмерить степень вины ушедшего с собственной болью потери.

Зачем-то все уходят. Пропадают в огромных, похожих на свежий московский снег и различных только с той стороны сферы, из иллюминатора самолета, облаках — чтобы выплыть из них на другой стороне океана и начать отсчет в обратном направлении или чтобы раствориться еще выше, там, где нет белого и голубого, а есть только тонкий трепет колокольчиков, обещающий ждать и меня. Но нить слишком непрочна, она не в состоянии одной своей силой оторвать от привычно-мелочного и вознести, позвать, заставить — потому что велика сила любви к воспоминанию, нуждающемуся в ритуальной подпитке отработанными символами, но и их мощи не хватит для освободительного разрыва, значит, опять туман и зависимость и неумение нанести прицельный ножевой удар по приговору зависти.

ливых богов, не важно, в чей адрес — разлюбить или научиться не любить заново. Как это умеют кошки, сами или с посторонней помощью.

Каждую весну я мечтаю купить себе велосипед.

*Первый абзац — 7 апреля 2004,
остальное — август.*